

УДК 94(477)“1941/1944”

С.В. Стельникович

**Религиозная жизнь на территории генерального округа
«Житомир» (вторая половина 1941 – начало 1944 г.)**

В статье анализируется религиозное положение на оккупированных нацистами украинских и смежных белорусских землях, которые в 1941–1944 гг. входили в состав генерального округа «Житомир». Целью работы выступает выявление особенностей религиозной жизни на указанных территориях в период Великой Отечественной войны. Определено, что разрешение оккупантов на восстановление религии было обусловлено пропагандистскими мотивами. Основными религиозными конфессиями в регионе были Автономная православная церковь, Украинская автокефальная православная церковь, католицизм, протестантизм, старообрядчество. Оккупационная администрация установила тотальный контроль над деятельностью религиозных конфессий, препятствовала консолидации, способствовала противостоянию и ослаблению церкви. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении и определении специфики религиозной жизни на территории генерального округа «Житомир». Основные положения работы могут быть использованы для преподавательской работы, дальнейшего изучения нацистского оккупационного режима.

Ключевые слова: Автономная православная церковь, генеральный округ «Житомир», оккупационная администрация, религиозная жизнь, Украинская автокефальная православная церковь.

Введение

Региональные особенности религиозной жизни на оккупированных нацистами территориях Украинской ССР в период Великой Отечественной войны являются одним из малоисследованных и одновременно актуальных

научных вопросов. Ведь именно на региональном уровне наряду с общей политикой оккупантов, направленной, с одной стороны, на пропагандистскую поддержку религиозного возрождения, а с другой, – на его тотальный контроль и ограничение, проявилась специфика религиозной жизни. Соответствующие тенденции наиболее полно представлены на оккупированных гитлеровцами украинских (Житомирская, большинство Винницкой областей) и смежных белорусских территориях (большая часть Полесской и юго-западная часть Гомельской областей), которые были включены в состав генерального округа «Житомир».

В историографии указанная проблематика не выступала предметом специального изучения. В то же время некоторые украинские и западные исследователи, в частности А. Лысенко, Н. Михайлуца, И. Поиздник [1, с. 177–230], К. Беркгоф [2; 3] и другие, рассматривая религиозное положение на территории Украины периода нацистской оккупации в целом, эпизодически некоторое внимание обращают и на Житомирский генеральный округ. Другие ученые, полностью или частично сосредотачиваясь на анализе различных проявлений нацистского оккупационного режима в генеральном округе «Житомир», вопросы религиозной жизни также рассматривают эпизодически и как сопутствующее. Среди таких историков: В. Власенко (создание и деятельность органов местного управления) [4], А. Петрова (оккупационный режим на Подолье) [5], В. Лауэр (Холокост на территории Житомирско-Винницкого региона) [6]. Следовательно, вне поля зрения исследователей остались комплексный анализ религиозной жизни на территории генерального округа «Житомир», местные проявления религиозной политики оккупационной администрации; практически не освещалось религиозное положение в северной белорусской части региона.

Основная часть

Санкционированное нацистской властью восстановление религиозной жизни на оккупированных территориях СССР в первую очередь включало

пропагандистский момент. Восстановление религии, которой в советское время противостояла атеистическая политика, должно было продемонстрировать местному населению «благосклонность» новой власти. Таким образом, не отрицая веры, немцы пытались использовать религиозный фактор для внедрения оккупационной политики на занятых территориях Востока [1, с. 178–179]. В связи с этим характерной была позиция администрации вермахта. В распоряжении военных властей для армии по украинскому вопросу от 11 июля 1941 г. отмечалось: «Религиозные воззрения населения... должны уважаться каждым военнослужащим» [7, л. 43]. То есть, по отношению к религиозным вопросам немецкие военные были обязаны занимать нейтральную позицию: «ни содействовать, ни препятствовать» [8, л. 101].

В течение первых месяцев нацистской оккупации инициатива организации религиозной жизни шла снизу. Часто местное население, не дожидаясь каких-либо распоряжений, приступало к ремонту храмов, их упорядочению, поиску священников. Для решения религиозных проблем в ряде регионов начали возникать стихийные общественно-церковные организации (приходские инициативные группы, церковные комиссии, церковные советы) [1, с. 180], а при вспомогательных органах власти – специальные отделы [9, л. 70]. Согласно основной конфессиональной принадлежности населения Житомирского генерального округа главным направлением их деятельности была поддержка православия.

Двумя наиболее распространенными религиозными конфессиями генерального округа «Житомир», как и других административно-территориальных единиц рейхскомиссариата «Украина», были Автономная православная церковь (АПЦ), подчинена архиепископу Алексею (Громадский), и Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) во главе с архиепископом Поликарпом (Сикорский) [9, л. 70]. Формально автономисты находились под юрисдикцией Московской патриархии, а

автокефалисты подчинялись митрополиту Дионисию (Велединский), архиепископу Варшавскому, который находился на территории Генерал-губернаторства. Главное отличие между двумя церквями заключалась в языке богослужений: в приходах АПЦ они традиционно проводились на церковнославянском языке, а УАПЦ – на украинском или церковнославянском с украинским произношением.

В Житомирском генеральном округе АПЦ руководил епископ Бердичевский Леонтий (Филиппович), резиденция которого находилась в Житомире; во главе УАПЦ (с перерывом в течение ноября 1942 – марта 1943 гг.) стоял епископ Житомирский и Винницкий Григорий (Огийчук) с резиденцией в Виннице [9, л. 70об.]. Весной 1943 г. в северной белорусской части генерального округа из состава АПЦ была выделена отдельная Мозырская епархия во главе с епископом Николаем (Автономов) [10, с. 1; 11 л. 7].

Наряду с православными конфессиями определенное распространение в регионе получили католицизм (римо-католицизм), протестантские течения (лютеранство, евангельские христиане-баптисты, евангелисты-христиане) и старообрядчество [12, л. 10–84об.; 13 л. 35]. Исследовательница В. Лауэр констатирует присутствие на территории генерального округа «Житомир» и греко-католической (униатской) церкви [6, с. 147].

Об ориентировочной численности верующих той или иной религиозной конфессии может свидетельствовать немецкая перепись населения территории Житомирской области по состоянию на 1 октября 1941 г., которая также отразила его конфессиональную принадлежность. Перепись показала, что количество православных на Житомирщине в первые месяцы гитлеровской оккупации составляла 87,9%, католиков – 8,2%, лютеран – 2,4%, других религиозных конфессий – 1,5% [14, л. 1–3]. Такое конфессиональное распределение в основном отвечало этнонациональной структуре местного населения. Традиционно сторонниками православия

здесь преимущественно выступали украинцы (87,4%) и русские (1,2%); поляки (7,4%) и чехи (0,4%) в основном тяготели к римо-католицизму, а местные немцы (2,7%) – к лютеранству и другим протестантским течениям [14, л. 47–49]. Понятно, что на территории Винницкой области, и, особенно, в северной белорусской части генерального округа «Житомир» конфессиональная принадлежность в соответствии с этнической структуры населения отличалась от Житомирщины.

В определенной степени на религиозности населения отразилась атеистическая политика советской власти. В некоторых научных исследованиях утверждается, что церковь в подавляющем большинстве посещали представители старшего поколения. Значительная же часть молодежи, социализация которой происходила в условиях советской общественно-политической действительности, придерживалась атеистических взглядов [1, с. 189–190]. М. Селешко, очевидец оккупационной жизни Виннице, по состоянию на середину 1943 г. вспоминал: «Народ не проявлял большого интереса к церкви и религии. Даже пожилые люди мало ходили в церковь, а молодежь, как приходила, то только как в театр. Послушают, как хор поет, и выходят. О Богослужениях молодежь говорила, что ничего себе, хорошее представление и на том конец» [15, с. 102]. Вместе с тем, заметим, что в условиях нацистской оккупации непосещение церкви не всегда предусматривало отсутствие религиозности. Поскольку в 1943 г. усилилась опасность облав немецких инстанций по набору рабочей силы, часть лиц избегала посещения мест массового скопления людей, какими были и культовые помещения.

Основной проблемой организации религиозной жизни региона стала нехватка профессионального духовенства. Особенно непростая «кадровая» ситуация сложилась в приграничных с украинскими белорусских землях. Как пример: церковный совет Лоева (административный центр одноименного района в юго-западной части Гомельской области, который был включен в

состав генерального округа «Житомир» весной 1942 г.), не имея возможности длительное время решить вопрос привлечения в город священника, для этой цели в конце 1941 г. делегировала представителя в Киев. Однако из-за условий большинства киевских священнослужителей проводить богослужения на украинском языке (вероятно, представителей УАПЦ), что не могло удовлетворить белорусских прихожан, акция не увенчалась успехом [16, л. 28–29об.]. Решить проблему обеспечения местных приходов профессиональным духовенством могло открытие духовной семинарии. Подготовку к созданию одного из таких учебных заведений в Житомире сторонники АПЦ начали уже с конца лета 1941 г. [17, с. 4]. Однако из-за негативной позиции немцев реализовать замысел не удалось. В 1943 г. была открыта только одна семинария АПЦ в Кременце [3, с. 19].

Современные исследователи констатируют, что в начале нацистской оккупации Украины наблюдались массовые публичные богослужения, крещения, венчания [1, с. 180; 2, с. 243]. Подобным образом религиозная ситуация сложилась и на территории генерального округа «Житомир». Вместе с тем, в течение конца лета – осени 1941 г. духовные деятели автокефальной и автономной православных церквей региона принимали активное участие в различного рода национальных манифестациях. Не в последнюю очередь это происходило из-за националистического влияния, которое сравнительно больше себя проявило по отношению к УАПЦ. В отличие от украинцев, попытка поляков провести политическую манифестацию во время освящения 16 сентября 1941 г. Кафедрального собора св. Софии в Житомире [18, л. 26–27] привела к значительному ограничению функционирования Житомирского прихода римо-католической церкви [12, л. 133].

Вместе с пропагандистской поддержкой развития религиозной жизни оккупанты следили за религиозными организациями с целью пресечения любых попыток их выхода за пределы основной деятельности, в первую

очередь в политическую плоскость. С утверждением немецкой гражданской администрации были ликвидированы специальные отделы при вспомогательных органах власти. Их полномочия перешли к политическому отделу генерального комиссариата, а референтом по религиозным делам стал немец Лангольф [9, л. 70об.]. Обе православные конфессии – АПЦ и УАПЦ – имели право на самостоятельные духовные управления.

На усиление контроля над религиозными организациями направлялись систематические директивы рейхсминистра Розенберга и рейхскомиссара Коха. Среди них – «Распоряжение о правовом положении религиозных организаций» рейхскомиссара Коха от 1 июня 1942 г. В документе от всех религиозных общин требовалось предоставить исчерпывающую информацию о своей деятельности; а каждое заявление религиозной организации с соответствующими сведениями включало предостережение от имени руководителя: «Этим уверяю, что местная, во главе которой я стою, религиозная община и ее служащие строго ограничиваются выполнением религиозных задач. Мне известно, что всякая другая деятельность и нарушение границ разрешенных действий запрещены и подлежат наказанию» [12, л. 10об.]. В течение августа – декабря 1942 г. учет религиозных организаций был проведен в генеральном округе «Житомир» [12, л. 6–13об., 17–18об., 72–84об.].

Распоряжение Коха от 1 июня 1942 г. также усиливало право генеральных комиссаров в религиозных вопросах, которое, по сути, стало абсолютным осенью 1942 г. Например, генералкомиссары могли как назначать, так и увольнять церковных деятелей любого уровня, от священника до епископа [2, с. 240–241].

Приказы, связанные с ограничением религиозной деятельности, могли приниматься гебитскомиссарами на местах. Первоначально дополнительные указания касались запрета любых богослужений, в том числе и воскресных, во время полевых работ. Местные немецкие руководители, таким образом,

дополняли распоряжение Коха от 8 декабря 1941 г. и 11 июля 1942 г. о порядке церковной службы на территории рейхскомиссариата «Украина», которые запрещали богослужения в будние дни. Как исключение определялись дни, которые приходились на Рождество, «Новый (старый) год» и 2 дня Пасхи [3, с. 19]. Нередкими были случаи, когда во время богослужений немцы силой выгоняли прихожан из церквей и отправляли их на работу [19, л. 176об.], а священнослужители, которые нарушали «трудовую дисциплину», подвергались репрессиям [20, л. 27]. Местные немецкие администраторы могли издавать приказы, касающиеся не только ограничений богослужений. В свое время гебитскомиссар Звягеля (Новоград-Волынский) принял распоряжение, которое обязывало передать все имеющиеся в церквях деньги в немецкий банк [21, л. 9–10об.]. Итак, степень развития религиозной жизни напрямую зависела не только от общей нацистской политики, а и от распоряжений местных гражданских руководителей.

Для углубления противостояния и предотвращения любой консолидации между православными конфессиями оккупационные органы сначала поддержали УАПЦ, а затем, когда та начала расти, – АПЦ [22, с. 16]. Помимо прочего, на территории Житомирского генерального округа эта политика проявилась через передачу культовых помещений автономистов автокефалистам. Одной из самых больших акций такого содержания стала передача 23 сентября 1942 г. в Житомире Кресто-Воздвиженского храма из автономной в состав автокефальной церкви [12, л. 31].

Поддерживая межконфессиональное противостояние, одновременно для ослабления АПЦ и УАПЦ оккупационные органы применяли административные меры давления на епископов и внедрение принципа «разделяй и властвуй». Среди всех административно-территориальных единиц рейхскомиссариата «Украина» наиболее ярко эти негативные тенденции представлены на территории генерального округа «Житомир». В

ноябре 1942 г. генеральной комиссар Е. Лейзер, заключив епископа Житомирского и Винницкого Григория, руководителем автокефальной церкви в регионе назначил епископа Подольской епархии Фотия (Тимощук), который в Польше еще до войны был обвинен в шпионаже в пользу СССР. Епископа Житомирского и Винницкого освободили только в марте 1943 г. после письменного обращения архиепископа Поликарпа к рейхскомиссару Коху [2, с. 241]. После этого епископ Григорий возобновил свою деятельность как глава автокефальной церкви генерального округа «Житомир». Основной причиной его временного отстранения от управления УАПЦ была попытка оккупационной администрации подорвать позиции автокефалистов в регионе.

Для ослабления АПЦ весной 1943 г. распоряжением Лейзера из ее состава на севере генерального округа выделялась самостоятельная Мозырская епархия под руководством епископа Николая (Автономов). Последний был делегирован в Мозырь архиепископом Алексеем в соответствии с отношением от 15 апреля 1943 г. [10, с. 1; 11 л. 7]. Несмотря на то, что впоследствии немецкая разведка подтвердила, что епископ Николай был самозванцем (выдавал себя за епископа Пятигорского) и советским агентом, он оставался на своем посту до конца нацистской оккупации [2, с. 241–242].

В общем, в разных частях рейхскомиссариата «Украина» большинство приходов принадлежали к АПЦ [23, с. 289–291]. Согласно докладной записки секретарю Житомирского областного комитета КП(б)У М. Спиваку «О деятельности церковников на территории Житомирской области», в период Великой Отечественной войны на Житомирщине действовало более 335 церквей и молитвенных домов, 2 мужских и 3 женских монастыря АПЦ, около 40 церквей УАПЦ [9, л. 70об.–71]. Источники о количестве разных православных приходов в других частях генерального округа «Житомир» малоинформативны. В оккупационной прессе без конфессиональной

идентификации подаются сведения о количестве православных приходов в Винницкой области по состоянию на июль 1942 г.: «...в епархии открыто 250 православных приходов, в частности в Виннице 4 прихода» [24, с. 3]. Вероятно, что на территории белорусской части округа абсолютное конфессиональное преимущество было за АПЦ. По крайней мере, только о епархии АПЦ под руководством епископа Николая сообщает в отчете за март – апрель 1943 г. генеральный комиссар Лейзер [11, л. 7]. Однако некоторые архивные материалы позволяют сделать предположение об определенном присутствии УАПЦ и в белорусском регионе. 17 октября 1942 г. председатель Лельчицкого районного управления информировал старост волостей о распространении случаев сбора подписей духовенством и общинами верующих в пользу (или во вред) той или иной церкви. Руководитель района требовал: «Прошу немедленно запретить всякое собрание коллективных подписей как признание тому, или другому направлению... Народ имеет возможность изъявить свою симпатию тому или другому направлению по церковным делам, при посещении церкви» [25, л. 462]. В то время на территории генерального округа «Житомир» любое другое религиозное противостояние, как между АПЦ и УАПЦ, происходить не могло.

Кроме прямого давления на автономную и автокефальную православные церкви, оккупационная власть влияла на положение и других религиозных конфессий. В еще худшей ситуации находились католики региона: «...к римо-католической церкви относились с подозрением, как к «польской», а к греко-католической (униатской) – как к западноукраинской и чужой» [6, с. 147]. Особые ограничения касались деятельности Житомирского прихода римо-католической церкви после политической манифестации поляков во время освящения 16 сентября 1941 г. католического собора св. Софии. В отличие от Житомира, в других частях округа, в частности в Виннице и винницком гебитскомиссариате, отдельные

костелы все же действовали [2, с. 242; 15, с. 102]. Протестантские течения, к которым принадлежали фольксдойче, воспринимались нацистской властью наиболее либерально. Малоизученным вопросом является отношение местной оккупационной администрации к старообрядчеству.

Немецкие власти привлекали православных церковных деятелей к пропаганде идей нацизма и их практическому воплощению на оккупированных территориях. В богослужениях и проповедях от духовенства различных уровней требовалось выражать «благодарность» Гитлеру и немецкой армии за «спасение», участвовать в праздновании нацистских «торжественных» дат, пропагандировать оккупационные распоряжения (относительно уплаты налогов, отъезда на работу в Германию и т.п.) [1, с. 187; 26, л. 14–14об., 18]. Причем, в подобных листовках присутствовала ярко выраженная антисемитская составляющая [26, л. 14об.].

Определить степень самостоятельности руководства православных церквей в формулировке содержания немецких пропагандистских листовок и его личное отношение к оккупантам крайне трудно. Например, известно, что епископ Житомирский и Винницкий Григорий в свое время довольно остро критиковал нацистский «новый порядок», что стало одной из причин его заключения осенью 1942 г. [1, с. 191]. С другой стороны, часть духовенства стала на путь коллаборационизма и открытого сотрудничества с оккупантами [9, л. 75об.–76]. А некоторые священнослужители не только призывали к борьбе с евреями, но и помогали в этом нацистам. Например, настоятель одной из церквей в Народичском районе Житомирской области во времена Великой Отечественной войны был полицейским и способствовал расстрелу карательными органами местного еврейского населения [9, л. 71об.]. В то же время религиозный фактор был одним из важнейших в спасении евреев. Представителей еврейского населения спасали как прихожане, так и православные священники. Показательным является случай спасения

винницьким священником М. Дрончаком єврейської дівчинки Ш. Шапіро [27, с. 334–335].

Заключення

Таким образом, с первых месяцев нацистской оккупации на территориях, вошедших в состав генерального округа «Житомир», начала возрождаться религиозная жизнь. Разрешение на ее восстановление стало одним из главных пропагандистских мероприятий военной, а затем и гражданской администраций среди местного населения для формирования лояльного отношения к новой власти. Кроме двух крупнейших православных конфессий – АПЦ и УАПЦ – некоторое распространение в регионе получили католицизм, протестантизм и старообрядчество. Вместе с тем, оккупационные органы пытались контролировать религиозную жизнь и не допускать ее выхода за пределы основной деятельности. Для ослабления религиозных течений вместе с пресечением тенденций, направленных на сближение православных конфессий, немцами проводилась активная политика по их дроблению и поддержке противостояния. Особенно ярко эти процессы проявились на территории оккупационного административно-территориального образования – генеральный округ «Житомир». Во времена Великой Отечественной войны местное духовенство привлекалось к нацистской пропаганде, а часть служителей церкви, участвуя не только в пропаганде, но и в непосредственном внедрении оккупационной политики, стала на путь коллаборационизма.

Перечень принятых обозначений и сокращений

АПЦ – Автономная православная церковь

УАПЦ – Украинская автокефальная православная церковь

Список литературы

1. Україна в Другій світовій війні: погляд з ХХІ ст.: історичні нариси: у 2 кн. / редкол.: В.А. Смолій (голова) [і інш.]. – Київ: Наукова думка, 2010–2011. – Кн. 2. – 2011. – 943 с.

2. Беркгоф, К. Жнива розпачу: життя і смерть в Україні під нацистською владою / К. Беркгоф. – Київ: Критика, 2011. – 455 с.
3. Беркгоф, К. Чи було релігійне відродження в Україні під час нацистської окупації? / К. Беркгоф // Український історичний журнал. – Київ, 2005. – Вип. 3. – С. 16–36.
4. Власенко, В.В. Створення та діяльність органів місцевого управління в генеральному окрузі «Житомир» у роки німецької окупації (1941–1944 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / В.В. Власенко. – Київ, 2013. – 208 арк.
5. Петрова, А.І. Особливості окупаційного режиму на Поділлі (1941–1944 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / А.І. Петрова. – Київ, 2011. – 261 арк.
6. Лауер, В. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні / В. Лауер. – Київ, 2010. – 368 с.
7. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). – Фонд КМФ-8. – Оп. 2. – Д. 147.
8. ЦГАВОВУ Украины. – Фонд КМФ-8. – Оп. 2. – Д. 151.
9. Государственный архив Житомирской области (ГАЗО). – Фонд П-76. – Оп. 2. – Д. 12.
10. До відома духовенства і віруючих Мозирської і Житомирської єпархій // Голос Волині (Житомир). – 1943. – 7 серпня. – С. 1.
11. ГАЗО. – Фонд Р-1151. – Оп. 1. – Д. 45.
12. ГАЗО. – Фонд Р-1151. – Оп. 1. – Д. 147.
13. ГАЗО. – Фонд Р-1155. – Оп. 1. – Д. 2.
14. ГАЗО. – Фонд Р-1153. – Оп. 1. – Д. 7.
15. Селешко, М. Вінниця: спомини перекладача комісії дослідів злочинів НКВД в 1937–1938 / М. Селешко. – Нью-Йорк – Торонто – Лондон – Сідней, 1991. – 211 с.

16. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. Р-1322. – Оп. 1. – Д. 3.
17. Яценюк, О. Завдання Житомирського обласного і міського управліннь / О. Яценюк // Українське слово (Житомир). – 1941. – 7 серпня. – С. 4.
18. ЦГАВОВУ України. – Фонд КМФ-8. – Оп. 2. – Д. 156.
19. ГАЖО. – Фонд Р-2636. – Оп. 1. – Д. 65.
20. ГАЖО. – Фонд Р-2636. – Оп. 1. – Д. 10.
21. ГАЖО. – Фонд Р-2636. – Оп. 1. – Д. 79.
22. Лисенко, О.Є. Релігійна ситуація на Україні в 1941–1946 рр.: автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / О.Є. Лисенко; Ін-т іст. Укр. – Київ, 1999. – 34 с.
23. Україна і Росія в історичній ретроспективі: у 3 т. / редрада: В.М. Литвин (голова) [і інш.]. – Київ: Наукова думка, 2004. – Т. 2: Радянський проект для України / В.А. Гриневич [і інш.]. – 2004. – 531 с.
24. Духовна консисторія // Вінницькі вісті (Вінниця). – 1942. – 22 липня. – С. 3.
25. ГАГО. – Фонд Р-2752. – Оп. 1. – Д. 1.
26. ГАЖО. – Фонд листовок. – № 601–799.
27. Винокурова, Ф.А. Праведники світу: до питання мотивації дій та вчинків, проблеми людського вибору в екстремальних ситуаціях нацистської окупації / Ф.А. Винокурова // ХХ століття – етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту: матеріали Міжнар. наук.-прак. конф., Житомир, 22–23 жовтня 2010 р. – Дніпропетровськ, 2011. – С. 325–343.

In this article the religious situation in the Nazi-occupied Ukrainian and adjacent Belarusian territories that in 1941–1944 were included in the “Zhytomyr” general district are analyzed. The purpose of the research is determining of the characteristics of religious life in these areas during the Great Patriotic War.

Determined, that the permit of occupants to restoration of religion was due of propaganda motives. The major religious faiths in the region were the Autonomous Orthodox Church, the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, Catholicism, Protestantism, Old Believers. Occupation administration to establish total control over the activities of religious denominations prevented consolidation, contributed of confrontation, weakening the church. Scientific novelty of the research lies in the comprehensive analysis and determination of specificity of the religious life in the territory of “Zhytomyr” general district. The main provisions of the research can be used for teaching, further study of the Nazi occupation regime.

Key words: the Autonomous Orthodox Church, “Zhytomyr” general district, occupation administration, religious life, the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church.